

Ильиных Тамара Викторовна

«Когда забрали в трудовую армию, то сразу изъяли паспорта. Привезли в Новосибирск на кирпичный завод. Моя работа была в том, чтобы возить по узкоколейке на лошади глину в формовочный цех. Работали по 12 часов в сутки и только ночью. Дневная смена доставалась «нормальным людям». Все очень уставали, как только случится какая-то заминка или авария, так мы вповалку спим прямо на глине. Жили в маленькой комнатке шесть человек. Заедали вши: и головные, и платяные. Борьба с ними не приносила результатов, да и сил на это не было. Иногда удавалось помыться в бане на окраине города. Волокла меня туда одна из наших. Она работала бухгалтером и не так уставала.

Еще помню, как вместе с нами были взяты двойняшки – мальчик и девочка лет одиннадцати. Их определили в цех, где обжигался кирпич. Им постоянно хотелось спать, и мастер из немцев прятал их в печь, где готовый кирпич остывал. Начальство об этом узнало, и мастера перевели на другой участок. А брат с сестренкой потом сбежали, и мы были рады за них. Надеюсь, что они не растерялись по жизни и стали хорошими людьми.

Через год меня определили на строительство аэропорта. Там стало совсем невмоготу. Постоянный холод и голод довели до решения сбежать. Хитростью выбралась со стройки и залезла в тамбур поезда «Новосибирск – Томск». Конечно же, меня, беспаспортную, сразу же задержали. Слава богу, не ссадили, а довезли до Томска! Там сначала отправили в КПЗ. Мне удалось передать весточку маме. Она принесла передачу, и я отдала ее главной в камере – Тосе, воровке-домушнице. Она распределила передачу всем поровну и взяла меня под свою опеку. Вместе с ней я была и в тюрьме.

Тюрьма меня не испугала. Камера, нары, зеки, но очень чисто. И без эксцессов! В тюрьме я ожила: побрили наголо, вывели вшей, устраивали регулярные помывки. Было тепло и какая-никакая еда. Тося меня учила, как вести себя в лагере, если я туда попаду. Однако была надежда, что родители похлопочут, чтобы в лагерь не отправляли, ведь криминала за мной не было. Однажды открылось окошечко камеры, и стали называть фамилии тех, кто уходил на волю. Меня назвали последней.

Вышла из тюрьмы, иду по дороге и вижу – мама идет с передачей навстречу. Обнялись, она плачет, а у меня слез нет. По пути было кладбище, сели на чью-то могилку, мама старается накормить меня, а я не хочу, безразличие охватило. Подошли к павильону, где работал папа (он к тому времени вернулся из трудармии), отец увидел меня, застыл, а потом потерял сознание. Господи, сколько же пришлось пережить моим родителям! На следующий день мы соорудили посылку моей опекунше Тосе: табак и еду. Прошло столько лет, а я ее до сих пор помню».

Отрывки из дневника подготовила Татьяна Эмих